

I N M E M O R I A M

ROMAN KATSMAN

Bar-Ilan University (Ramat Gan, Israel)

ORCID 0000-0003-0607-8047

Михаил Юдсон. Еврейский писатель XXI века

Страшную весть о кончине Михаила Юдсона я получил ранним утром 21 ноября 2019 года, по дороге на международную конференцию еврейских писателей в Иерусалиме «Кисуфим». Миша должен был принимать в ней участие. Он заболел так неожиданно и невообразимо, что его отсутствие рядом с нами невозможно было представить, и я до последнего дня, вопреки здравому смыслу, надеялся, что случится чудо, и Миша перестанет дурачиться, встанет с койки и приедет, как всегда приезжал из каких-то невероятных «чуланов», как он любил писать, в которых он прятался от такой невыносимо назойливой, такой ребячески надоедливой реальности. Втайне я верил, что снова повторится эта игра в прятки, и Миша снова одержит в ней победу, превратившись в метафору, неологизм или порхающую запятую. И когда этого не произошло, я впервые по-настоящему почувствовал, что такое «кисуфим». Незадолго до начала конференции Александр Мелихов спросил меня о значении этого слова, автоматически переводимого с иврита как «тоска», а литературно — как «стремление», слова, кажущегося столь неподходящим для жизнерадостного и деловитого литературного мероприятия. Поломав голову над этим трудным и очень еврейским понятием, я ответил, что кисуфим — это мечтательное томление. В то утро, когда Мишино отсутствие стало окончательным и бесконечным, я понял, что ничего не соответствует ему лучше, чем эти два слова, которые он непременно превратил бы при помощи своей золотой алхимии в какое-нибудь невозмож-

ное «мечтание кис суфи им» или «мечтаем-с, ки-суфим есьм».

На конференции Миша должен был принимать участие в круглом столе, в котором, помимо прочего, мы собирались обсудить (о господи, в который раз!), что такое русско-еврейская литература и существует ли она еще сегодня. Тем утром, которое навсегда останется для меня хтоническим чудовищем Темутром, жадным и безжалостным, каких так обожал изображать в своих романах Юдсон, я убедился, что да, она несомненно существует, потому что существуют *Лестница на шкаф* и *Мозговой*. И дело, конечно, не в том, что Миша был евреем, не в том, что жил и умер в Израиле, а в том, что писал строки-кисуфим на изобретенном им русско-еврейском, «из-русском» языке. Наш общий друг Яков Шехтер говорит, что еврейская литература это та, что направляет свой взгляд вверх, к небесам. Я обычно по привычке с ним спорю, но сейчас понимаю, что, возможно, он прав, и мечтательное томление букв и слов, как и городов и народов, времен и сердец, воплощенное в виртуозном поэтическом искусстве, делает Юдсона для XXI века тем, кем был для века XX Исаак Бабель. В своем невероятном, бесподобном языке Миша воплотил не только томительную мечту русско-еврейской литературы, но и столетнюю поэтическую задачу русско-израильской литературы: заговорить на израильском языке по-русски. Его кисуфим — это тоска по слову, означающему Бог знает что, по «чужой земле», не знамо какой, по «мозговому» другу, живущему неизвестно где, по братству учеников и учителей, учащих неизвестно что, по лестнице, лестнице и листнице, ведущей неведомо куда. Это мечтательное томление об обетованной земле, слове, друге, общине и спасении было содержанием и сутью его русско-еврейского и русско-израильского письма.

Незадолго до Мишиной смерти, судьба подарила мне возможность написать о нем статью для новой Еврейской энциклопедии. Новизна этой энциклопедии, как мне думается, должна состоять в том, чтобы соответствовать той сложной и хаотической конфигурации «еврейского», в которой мы сегодня пребываем и которая живет в нас. Миша не просто заслужил место в этой энциклопедии: он есть само ее воплощение, и, может быть, это символично, что первая энциклопедическая статья (помимо Википедии, конечно) об этом выдающемся русском писателе была написана на иврите. Поэтому я позволю себе привести здесь несколько выдержек из этой статьи, разумеется, в переводе на русский. Миша читал ее, кое-какие биографические данные подправил, кое-что

уточнил, и поэтому на сегодняшний день это, вероятно, наиболее полная и достоверная биографическая справка о нем. Я обещал Мише перевести эту статью на русский, что и делаю с опозданием, внося в нее необходимые добавления.

Михаил Исакович Юдсон родился 20 января 1956 года в Сталинграде (ныне Волгоград). В 1982 году окончил физико-математический факультет педагогического института и в течение нескольких лет преподавал математику. Репатриировался в Израиль в 1989 году, в 1992 вернулся в Россию и прожил там до 1999. В 1997 году провел некоторое время в Нюрнберге в Германии. В 1999 году он вернулся в Израиль, поселился в Тель-Авиве и больше его не покидал. В том же году он стал помощником главного редактора журнала «22» Александра Воронеля и выполнял эту работу вплоть до 2016, когда журнал прекратил свое существование. С 2016 года Юдсон, совместно с Яковом Шехтером, был главным редактором журнала «Артикль».

В 1990–1991 новелла Юдсона *Год 5757-й* была опубликована в номерах 73–74 журнала «22». Первое издание романа *Лестница на шкаф*, включающее первые две части, увидело свет в 2003 году в Санкт-Петербургском издательстве Геликон Плюс (переиздано московским издательством ОГИ в 2006). Роман был написан в 1996–1998 годах, когда автор жил в России и недолго в Германии, и там же происходят события первых двух частей романа. В 2013 году в московском издательстве Зебра-Е вышло новое издание романа, включающее третью, израильскую, часть, написанную в 2002–2010 годах. Третья часть, в основу которой легли идея и сюжет новеллы *Год 5757-й*, составляет две трети объема романа в его окончательном виде.

Роман *Мозговой* Юдсон начал писать, по его словам, в 2012 году. С 2015 публикуются отдельные главы, в 2019 незадолго до смерти он передает в издательство Зебра-Е окончательную версию, а в 2020 роман выходит в печать. В том же году журнал «Артикль» публикует главы нового, оставшегося недописанным романа *Четверо*. Помимо романов, перу Юдсона принадлежат рассказы *Власть тьмы, или Регистрация* («22», № 146), *Новые приключения лилипута* («22», № 150), *Зона Оз* («Нева» 2011, № 3), *На постпоследнем берегу* («Нева», № 4, 2012), *Француз* («Семь искусств» 2013, № 8–45), а также пьеса *Ревизор С* («Семь искусств» 2012, № 3–28).

Виртуозная поэтическая проза Юдсона выражает многоставное сознание, в котором соединились поэт-бродяга, смятенный эмигрант, одинокий воин и странствующий философ.

В жанровом плане наиболее ранняя проза Юдсона может быть определена как антиутопия; в дальнейшем она развивается в более сложную форму, которую я бы назвал сюрреалистической пикареской. Позднее, в *Мозговом*, письмо принимает форму галлюцинаторной урбанистической поэмы-фантазии в стиле нуар. Особое распространение, отчасти благодаря самому Юдсону, получило сравнение его письма с *Поминками по Финнегану*. Однако на деле оно не бесспорно. Нет сомнения, что и Джойс, и Хлебников, и вообще русский авангард 1910–30-х годов оказали существенное влияние на писателя, но его поэтика все же достаточно самобытна. От авангардистского маньеризма ее отличает глубокий органический лиризм; это не игра и не эстетический эксперимент, а работа по созданию на стыке естественных языков нового языка, который, оставаясь вполне коммуникативным, позволил бы познать и обжить новую культурную реальность, состояться и реализоваться в ней, так сказать, не выходя из дома, то есть не покидая «чулана» черепной коробки и не расставаясь ни на миг ни с одним из ее обитателей. Поэтика Юдсона магически соединяет эгоцентрическую интровертность Пруста, драматический кошмар Кафки и реалистический мифологизм Павича.

Юдсоновский стиль начал формироваться в *Году 5757–м*, созрел в *Лестнице на шкаф* и достиг вершины в *Мозговом*. Судя по главам недописанного романа *Четверо*, этот стиль должен был расширить свой арсенал в направлении более легких, юмористических выразительных средств. Монументальная *Лестница на шкаф* описывает путешествие героя нашего времени в мире книг, в море цитат, среди аллюзий и ассоциаций, в тумане снов и фантазий, в мультивселенной параллельных и альтернативных историй. Это новая и вечная история Вечно-го Жида, разворачивающаяся в трех основных психо-культурных очагах еврейской памяти и неразрешимых комплексов: отношения любви-ненависти с Россией, все более погружающейся в новое темное и ледяное средневековье; плен виктимности в Германии, постепенно «излечивающейся» от пост-холокостного синдрома; и досадная культурная вторичность Израиля, столь контрастирующая с еврейской мифологической первородностью, Израиля, разрывающегося между историческими оптимизмом и пессимизмом. В *Году 5757–м* и первых двух главах *Лестницы на шкаф* гибридный язык характерен в основном для речи автохтонного населения тех мест, где разворачивается сюжет, и значительно меньше — для главного героя и рассказчика; он присутствует в диалогах,

именах и прозвищах, но многие описательные фрагменты свободны от него и сохраняют традиционные формы. В третьей части гибридный язык свойственен уже и главному герою, и смешанной речи, но в несколько меньшей степени – рассказчику. В *Мозговом* герой и рассказчик сливаются воедино, и фантастический юдсоновский язык распространяется по всей территории дискурса (в романе *Четверо* рассказчик и протагонист снова разделяются, но единство речевого стиля сохраняется). В идейном плане такая идентификация героя как рассказчика, локализация сюжета в израильском пространстве, пусть и наполовину фантастическом, и стилистическое единство различных голосов, звучащих в романе, хотя и не без индивидуальной речевой характеристики героев, свидетельствует об отдалении Юдсона от культурной маргинальности. Эта динамика проявляется также в том, что социальная тематика сокращается, письмо приобретает более индивидуалистический характер, что говорит об отдалении от минорности, характерной для еврейской литературы на нееврейских языках, написанной в странах рассеяния. Проблематика кочевничества и первых этапов эмиграции уступает место сложному мироощущению оседлого эмигранта со стажем.

Таков... был... путь Михаила Юдсона сквозь культурный и литературный кризис современности. Для него этот кризис состоял, прежде всего, в соскальзывании литературы к вульгарной простоте, в пренебрежении главным — чудом преобразования слова. Юдсон был чрезвычайно мрачен по части оценок будущего литературы, хотя и оставался неизменно щедр в своих рецензиях, эссе и интервью. Последним его интервью, которое мне посчастливилось провести вместе с ним, была беседа с Игорем Губерманом. Я хочу привести здесь один из вопросов, который Миша задал автору гариков, и который немало говорит о его, Мишиной, собственной заботе: «Вы пишете что-нибудь в стол? Как Марк Твен, Набоков оставляли для будущих, более понимающих читателей?». Думаю, Миша втайне надеялся, что каждый писатель пишет что-нибудь в стол, поднимаясь по лестнице мастерства к совершенству, и на вершине этой лестницы его встречают эти прекрасные, более понимающие читатели. Очень надеюсь, что они существуют, и что они рано или поздно откроют для себя и его книги.